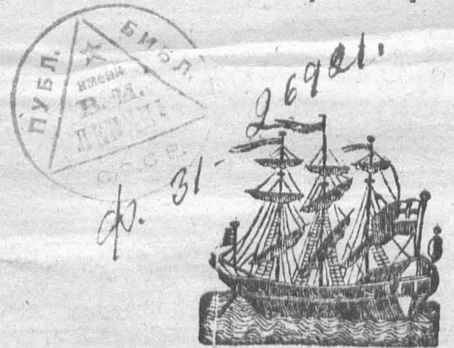
ПУТЕШЕСТВІЕ

въ

ЯПОНІЮ

Адама Лаксмана.

Отрывокъ изъ Исторіи Географическихъ открытій Россіянъ, составляемой В. Н. Берхомъ, помѣщенный въ No. 3-мъ Сѣвернаго Архива на 1822 годъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Н. Греча.

1822.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи были представлены семь экземпляровъ въ Цензурный Комитетъ для препровожденія куда слѣдуетъ. Санктпетербургъ, Января 3 дня 1822 года.

Цензоръ Александръ Бируковъ.

Въ 1786 году, Японское мореходное судно, нагруженное пшеномъ, бывъ отбито въ штормъ отъ береговъ своихъ, носилось по морю 6 мѣсяцевъ и разбилось при островѣ Амчитѣ *; изъ экипажа, въ 70ти человѣкахъ состоявшаго, спаслось только 8, и хозяинъ онаго, купецъ Кодаю. Люди сіи, бывъ вывезены въ послѣдствіи въ Иркутскъ, содержалися тамъ на счетъ Правительства.

Г. Профессоръ, Надв. Сов. Лаксманъ, извѣстный ученому свѣту по разнымъ химическимъ открытіямъ, заводя въ то время первый стеклянный заводъ въ Иркутскѣ, (на коемъ вмѣсто поташу употреблялъ уже онъ съ отличнымъ успѣхомъ Глауберову соль) **, познакомился съ купцемъ Кодаю. Частыя свиданія и разговоры о Японіи родили въ Г. Лаксманѣ мысль завести коммерческія сношенія съ симъ царствомъ, толь близкимъ къ восточнымъ предѣламъ Россіи.

---

* Сарычева Путешествія, Томъ 2. стр. 5.

** См. Новѣйшія Сѣверныя Извѣстія Г. Палласа.

Образовавъ планъ, какимъ образомъ приступить къ сему полезному намѣренію, препроводилъ Г. Лаксманъ предначертанія свои къ премудрой Екатеринѣ. Великая Монархиня, прочитавъ оный, не токмо одобрила ревностное предпріятіе сего ученаго мужа, но и возложила на него, какъ снаряженіе цѣлой экспедиціи, такъ равно и выборъ Начальника.

Родительская любовь побудила Г. Лаксмана возложить должность Начальника на сына своего, Поручика Адама, который, родясь въ Сибири, служилъ только въ Иркутской Губерніи.

Въ Сентябрѣ 1791 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе на имя Иркутскаго и Колыванскаго Генералъ-Губернатора Ивана Алферіевича Пиля, снарядить въ Охотскомъ портѣ казенное судно, для отвоза въ Японію спасшихся отъ кораблекрушенія Японцевъ, подъ предводительствомъ Поручика Адама Лаксмана, назначеннаго въ должность сію по желанію родителя его, Надворнаго Совѣтника и Профессора.

Замѣчательно, что въ наставленіи Великой Государыни, какимъ образомъ нарядить экспедицію сію, предписано было отправить Г. Лаксмана отъ лица Генералъ-Губернатора, яко пограничнаго Начальника,

и назначить на судно морскаго Офицера, не Голландца и не Англичанина. *

Въ слѣдствіе Высочайшихъ повелѣній сихъ, приготовлено было въ Охотскомъ портѣ транспортное судно Екатерина, экипажъ коего состоялъ изъ слѣдующихъ чиновниковъ:

Въ качествѣ Уполномоченнаго въ дѣлахъ:

Порутчикъ Адамъ Лаксманъ.

Командиръ транспорта:

Штурманъ Григорій Ловцовъ.

Подштурманъ:

Василій Олесовъ.

Геодезисты:

Иванъ Полномочной.

Трапезниковъ.

Волонтеръ:

Кохъ.

Переводчикъ:

Туголуковъ.

Купецъ Шабалинъ, съ прикащикомъ.

20 человѣкъ матросовъ и 4 солдата.

Японцы:

Кодай, Исокичь и Коичь.

Сентября 13го 1792 года выступилъ Лаксманъ въ море, и плывъ безъ всякихъ приключеній, положилъ 9го Октября якорь въ губѣ Немуро на сѣверной части острова Матмая. Въ гавани сей находилось неболь-

* Записки Капитана Головнина о Японіи, Томъ 1. стр. 15.

шое Японское селеніе и нѣсколько юртъ мохнатыхъ Курильцевъ. По съѣздѣ на берегъ, Лаксманъ былъ принятъ весьма ласково Японцами, коимъ объяснилъ цѣль своего путешествія, намѣреніе здѣсь зимовать и желаніе построить для экипажа своего казарму. Японцы, не прекословя Лаксману въ его предпріятіяхъ, просили только дать имъ знать, сколько находится у него людей, для подробнаго донесенія своему начальству. Узнавъ, что чрезъ нѣсколько дней отправится ихъ нарочный, Лаксманъ просилъ препроводить къ Матмайскому Губернатору и его письмо слѣдующаго содержанія:

„Великаго Нифонскаго Государства, Его Тензинъ-Кубосскаго Величества, Матмайской Губерніи Главнокомандующему Шимано-Камисаму.

„Извѣщая симъ Главнокомандующаго Матмайской Губерніи Начальника о слѣдованіи нашемъ Нифонскаго Государства въ главное начальство, назначенномъ по случаю Его Тензинъ-Кубосскаго Величества торгующихъ подданныхъ, Кодая съ товарищи, спасшихся по разбитіи ихъ судна при островахъ Алеутскихъ, гдѣ Россійскіе промышленники за два года предъ симъ подобное же въ разбитіи судна злоключеніе претерпѣли, и ожидали тутъ другихъ, за промысломъ звѣрей разъѣзжающихъ около тѣхъ

мѣстъ судовъ, по природному человѣколюбію и чувствительной сострадательности, соболѣзнуя о несчастномъ ихъ жребіи, стараніемъ своимъ изъ разбитыхъ судовъ своего и Тензинъ-Кубосскаго Величества построили одно удобное къ путешествію судно, вывезли ихъ въ ближайшій оттуда Россійскій городъ Камчатку, а сего города начальники, какъ исполнители человѣколюбивыхъ Великой Всероссійской Императрицы узаконеній, повелѣвающихъ всѣмъ странствующимъ оказывать всевозможное покровительство и вспоможеніе, употребили всѣ силы для лучшаго истребленія изъ памяти ихъ страха и нужды, коими одолѣваемы были, доставили ихъ въ намѣстническій городъ Иркутскъ; откуда, при первомъ о несчастіи ихъ свѣдѣніи, Ея Императорское Величество, Всепресвѣтлѣйшая Россійская Государыня, по Высокоматеринскому и единственно о благѣ человѣчества пекущемуся покрову, указать соизволила Великаго Россійскаго Государства войскъ Ея Императорскаго Величества Генералъ-Поручику Иркутскаго и Колыванскаго Намѣстничествъ Государеву Намѣстнику и разныхъ орденовъ Кавалеру Ивану Алферіевичу Пилю, чтобъ упомянутыхъ подданныхъ Великаго Нифонскаго Государства возвратить въ ихъ отечество, дабы

они могли видѣться съ своими родственниками и соотчичами.“

„Въ слѣдствіе таковаго Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, Его Превосходительство и отправилъ насъ, какъ для Посольства въ великое Нифонское Государство къ Главному Правительству, такъ и для доставленія онаго Государства подданныхъ въ свое отечество, съ подробнѣйшимъ описаніемъ о ихъ приключеніи и обо всемъ прочемъ по сосѣдственной смежности.“

„Но какъ, дошедъ до сего берега, обитаемаго Курильцами, свидѣлись мы съ служителями начальства вашего и почли за лучшій способъ, какъ уже наступило поздное осеннее время, здѣсь зимовать, и чрезъ сіе самое, для свѣдѣнія вашего и собственной пользы нашей, для безопаснаго въ будущую весну путеслѣдованія, просить ихъ о доставленіи вамъ, Главному Матмайскому Начальнику, письма нашего, которымъ просимъ, чтобъ вы отъ себя Великаго Нифонскаго Государства Главному Правительству возвѣстили о нашемъ туда шествіи, съ таковымъ расположеніемъ, дабы Главное Начальство, если мы, при приближеніи нашемъ къ къ берегамъ онаго Государства, имѣть будемъ, и не дошедъ до главной пристани, либо въ разсужденіи погодъ или другихъ ка-

кихъ могущихъ встрѣтиться случаевъ, необходимую нужду въ пристанищѣ, предписало своимъ подданнымъ, чтобъ намъ, какъ сосѣдственнымъ союзникамъ, безъ всякаго препятствія безвозбранный входъ имѣть повелѣно было, не считая насъ за противоборствующихъ и нечестивыхъ противниковъ. Увѣдомляя же васъ симъ письмомъ, также просимъ, чтобы, когда получите отъ Главнаго Начальства Нифонскаго Государства на увѣдомленіе свое по сему письму нашему отзывъ, дабы мы не могли упустить удобнаго времени къ продолженію нашего путеслѣдованія, поспѣшить о семъ Главнаго Начальства предписаніи увѣдомленіемъ. Честь имѣю и пр.

Адамъ Лаксманъ."

17го Ноября, изготовивъ двѣ казармы, перебрались чиновники въ одну, а въ другую, помѣстя всѣхъ служителей, ошвартовили судно. Японцы, не токмо обращались во все сіе время весьма ласково съ Россіянами, но снабдили ихъ даже безъ всякой платы пшеномъ и разными нужными вещами.

12го Декабря прибылъ изъ Матмая одинъ значительный чиновникъ съ лекаремъ, и объявилъ Лаксману, что Губернаторъ, получа письмо его, препроводилъ оное въ столицу, а имъ велѣлъ находиться здѣсь, для охраненія Россіянъ отъ Курильцевъ и для

вспомоществованія въ могущихъ приключиться нуждахъ. 14го числа послалъ Лаксманъ нѣсколько подарковъ къ Матмайскому Губернатору, отъ имени Генералъ-Губернатора Пиля; но Японцы отозвались отъ принятія оныхъ до того времени, пока извѣстна будетъ воля ихъ Императора въ отношеніи къ Россійской экспедиціи. Препровода время во взаимныхъ и частыхъ посѣщеніяхъ, Японцы просили позволенія скопировать карты Штурмана Ловцова, и получа согласіе, одолжали также его своими. Весьма тщательно собирали они отъ нашихъ чиновниковъ всѣ возможныя свѣдѣнія, и сняли даже модель съ конструкціи и вооруженія транспорта Екатерины.

29го Декабря прибыли въ Немуро, по неизвѣстному особенному порученію, два чиновника изъ столицы Эддо, кои, проживъ здѣсь до 29го Марта, оказывали Россіянамъ особенное уваженіе и приглашали ихъ къ себѣ въ Новый годъ на пиршество. Чиновники сіи были также весьма любопытны, и собирали отъ путешественниковъ нашихъ всѣ возможныя свѣдѣнія.

6го Апрѣля прибылъ изъ Матмая одинъ значительный чиновникъ, ближній родственникъ тамошняго Губернатора, и объявилъ Лаксману, что для точнаго отвѣта на письмо его прибудутъ сюда скоро

по повелѣнію Императора нѣсколько чиновниковъ. 29го числа прибыли они дѣйствительно въ Немуро, со свитою изъ 60^{ти} Японцевъ и 150^{ти} мохнатыхъ Курильцевъ или Аиновъ. Маія 1го числа поутру посѣтили они нашихъ путешественниковъ, и просили удостоить ихъ взаимнымъ посѣщеніемъ, во время котораго дадутъ они Лаксману отвѣтъ на его письмо.

Лаксманъ, отправясь къ нимъ по полудни, былъ принятъ со всѣми знаками отличнаго уваженія. Послѣ первыхъ привѣтствій, угостили путешественниковъ нашихъ чаемъ, виномъ и закусками, и наконецъ, по приказанію старшаго Еддовскаго чиновника, прочитали имъ бумагу слѣдующаго содержанія:

„По посланному отъ васъ письму къ Матмайскому Губернатору отъ 12го Декабря прошедшаго года и представленному отъ него при донесеніи въ столицу нашу на разсмотрѣніе, для должнаго по оному исполненія, Е. В. нашъ Императоръ благоволилъ послать, для распредѣленія и совершеннаго разрѣшенія въ 4^{й} день Генваря сего года въ Матмай двухъ 5^{й} степени чиновниковъ, которые туда 26го Февраля и прибыли и насъ 3^{хъ} человѣкъ отъ себя, и 4^{хъ} Матмайскихъ чиновниковъ Марта 18го въ здѣшнюю гавань прислали, какъ для встрѣчи вашей, такъ

и для объявленія вамъ, начальствующему Россійскому чиновнику и кому слѣдуетъ, чтобъ итти до города Матмая съ нами вмѣстѣ сухимъ путемъ, что все исполнили, и теперь вамъ объявили.“

Лаксманъ, услышавъ отзывъ сей, совершенно противный даннымъ ему предписаніямъ, просилъ у Японцевъ дозволенія подумать о ихъ предложеніи. Но какъ Штурманъ Ловцовъ возразилъ на оное, что онъ никакъ не согласенъ оставить своего судна и слѣдовать сухимъ путемъ; то и Лаксманъ повторилъ то же, присовокупя, что онъ не можетъ разлучаться съ сопутниками своими. Читатель, я думаю, вознегодуетъ вмѣстѣ со мною на него, и согласится, что ежели бы онъ не отрекся отъ слѣдованія сухимъ путемъ изъ Немуро въ городъ Матмай, то доставилъ бы намъ гораздо любопытнѣйшія свѣдѣнія о малоизвѣстной странѣ сей, нежели помѣщенныя нынѣ въ его журналѣ, и едва ли не выписанныя изъ Тумберхова или Кемпферова описанія о Японіи.

Японцы, не ожидавшіе возраженія со стороны Лаксмана, пришли въ недоумѣніе, какъ поступить имъ при семъ случаѣ, и отозвались, что они оставляютъ разсужденіе о предметѣ семъ до слѣдующаго свиданія. На другой день призвали они къ себѣ пере-

водчика Туголукова, и объявили ему, что до Аткиской гавани соглашаются плыть вмѣстѣ съ Рускимъ судномъ, однако же должны напередъ испросить согласіе отъ своего начальства, до полученія коего просятъ Лаксмана подождать.

Долго продолжались обоюдныя прѣнія, коими Лаксманъ наполнилъ 10 страницъ своего журнала. Существенное же содержаніе оныхъ было то, что они всячески отклонялись отъ слѣдованія моремъ, и длили временемъ, единственно для того, чтобъ въ теченіе онаго получить разрѣшеніе отъ своего начальства. Маія 21го числа получили Японцы повелѣніе, что ежели Россіяне не согласны ѣхать сухимъ путемъ, то отправились бы съ ними, безъ потери времени, моремъ. 28го числа, повѣствуетъ Лаксманъ, *было противъ прочихъ чрезъ всю зиму случавшихся отмѣнно сильное землетрясеніе, приведшее всѣхъ на суднѣ въ разстройство*. Но какія имѣло оно послѣдствія, сколь было продолжительно, и въ какихъ направленіяхъ, о томъ онъ совсѣмъ не упоминаетъ.

Іюня 1го числа прибыло въ Немуро нѣсколько Японскихъ судовъ, и въ томъ числѣ собственное Матмайскаго Губернатора, на коемъ Японскіе чиновники рѣшились слѣдовать вмѣстѣ съ судномъ Ловцова. 4го числа

вышли въ море, и продолжая до 17го плаванie свое подлѣ береговъ, у которыхъ, какъ изъ журнала видно, за теченiями, противными вѣтрами, и еще можетъ быть *какими нибудь причинами*, становились безпрестанно на якорь. Въ сей день прибыли на Россiйское судно Японскiе чиновники, и просили отпустить къ нимъ кого нибудь на судно. Можетъ быть, Японцы изъявляли желанiе сiе, по весьма благовиднымъ причинамъ; но Лаксманъ принялъ это за обиду *Посольству, изъ Великороссiйской Имперiи отправленному*, и отказалъ имъ. Въ семъ мѣстѣ журнала своего сказываетъ онъ читателю, что положено было только плыть до порта Эдомо, и что Японцы, боясь, чтобъ онъ не пошелъ далѣе, объявили выше упомянутое требованiе свое.

Плаванiе транспорта Екатерины было такъ медленно, что 28го числа взошли они только въ портъ Аткисъ. Лаксманъ хвалитъ гавань сiю, говоря, что грунтъ для стоянiя на якорѣ весьма удобный, и рейдъ закрывается отъ вѣтровъ высокими горами. Далѣе, продолжаетъ онъ, что во время нахожденiя его въ домѣ Японскаго чиновника, было землетрясенiе. Оставя портъ сей, имѣли путешественники наши весьма счастливое плаванiе. 4го Iюля положили они якорь въ гавани Хакодаде. Лакс-

манъ объясняетъ, что противные вѣтры и незнаніе ихъ лоцмана виною, что они не могли попасть въ портъ Эдомо.

Немедленно прибылъ на судно Японскій чиновникъ, и, послѣ ласковаго привѣтствія, желалъ знать о нуждахъ путешественниковъ нашихъ, вызываяся удовлетворить оныя. Отъѣзжая на берегъ, оставилъ онъ на суднѣ караулъ изъ 4хъ солдатъ съ однимъ чиновникомъ. Лаксманъ замѣчаетъ, что стража сія была для нихъ весьма полезна; ибо около транспорта тѣснилось множество лодокъ, и любопытные Японцы всходили насильно на палубу. Сего же дня подтянули ихъ буксиромъ къ самому селенію, гдѣ весьма удобно было стоять на якорѣ.

5го числа прибылъ на Россійскій транспортъ начальникъ города съ тремя чиновниками въ нарадныхъ одеждахъ. Они привезли въ подарокъ 20 палтусовъ, и сказывали, что Еддовскій чиновникъ, отправившійся изъ Немуро сухимъ путемъ, прибылъ также сюда, завтра же, продолжали они, ожидаемъ и мы товарищей его, плывшихъ вмѣстѣ съ вами. Предъ отъѣздомъ требовали Японцы, чтобъ доставить свѣдѣніе, какое количество людей отправится съ Лаксманомъ въ Матмай. Ввечеру прислалъ начальникъ города для команды боченокъ вина ихъ, именуемаго *саки*.

Въ полдень 6го числа пріѣзжалъ Еддовскій чиновникъ и предложилъ путешественникамъ нашимъ, не желаютъ ли они воспользоваться ваннами. Лаксманъ изъявилъ согласіе свое съ благодарностію. Чрезъ нѣсколько часовъ прибыли двѣ большія лодки, на коихъ находились: хозяинъ ваннъ, знаменитый купецъ и два чиновника. По съѣздѣ Россіянъ на берегъ, были они встрѣчены чиновникомъ и еще 6ю человѣками въ уборныхъ платьяхъ, кои и провожали ихъ по городу, посреди толпы любопытныхъ зрителей. По прибытіи къ дому, встрѣтилъ ихъ упомянутый Еддовскій чиновникъ, и препроводилъ гостей своихъ до ваннъ. По выходѣ изъ оныхъ, угостили путешественниковъ нашихъ ужиномъ, и препроводили съ тою же церемоніею на транспортъ. Лаксманъ замѣчаетъ, что у дверей дома, въ коемъ они находились, выставлена была доска съ слѣдующею надписью на Японскомъ языкѣ: *Россійскій дворъ.* Онъ также описываетъ весьма ему понравившійся при домѣ семъ садъ; но не постигая изъ описанія, въ чемъ состояли пріятности онаго, представлю ихъ читателю собственными словами Лаксмана: „*Введены были въ покои, кои стояли на западъ съ небольшимъ садомъ, представляющимъ аллегорическій видъ потѣшныхъ положеній,*

составленныхъ изъ наводныхъ большихъ каменьевъ, искусно складенныхъ и разнаго рода мохомъ и кустарниками покрытыхъ.“ Далѣе видно изъ описанія его, что въ саду семъ находились персиковыя, вишневыя, яблонныя деревья и Грецкіе орѣхи.

8го числа прибыли на Россійскій транспортъ всѣ Японскіе чиновники, въ Немуро находившіеся, съ 4^{мя} Эддовскими, изъ Матмая прибывшими, и требовали отъ Лаксмана объясненія, по чему не остановился онъ въ Эдомо. Лаксманъ отозвался на сіе выше мною приведенными причинами, и просилъ Японцевъ, отвести мѣсто, гдѣ бы можно было пересушить разные припасы, и хранить оные до возвращенія изъ Матмая. Чиновники обѣщали исполнить его требованіе.

9го числа присланы были столяры, для дѣланія ящиковъ, и чиновники объявили Лаксману, что назначили для припасовъ его особенный анбаръ. Около полудня предложили путешественникамъ, не желаютъ ли они прогуляться по берегу. По изъявленіи на сіе согласія, отвезъ ихъ Японскій чиновникъ на сѣверный берегъ противъ города, къ деревнѣ именуемой Хамеди. Лаксманъ повѣствуетъ, что они видѣли здѣсь примѣрное изобиліе. Поля, по обѣимъ сторонамъ дороги, усѣяны были пшеницею, че-

чевицею, льномъ, горохомъ и шабакомъ. Въ огородахъ же замѣшилъ онъ слѣдующіе овощи: рѣпу, рѣдьку, морковь, свеклу, разныхъ родовъ бобы и огурцы. По возвращеніи на судно, нашли они у себя шрехъ чиновниковъ, кои шребовали свѣдѣнія, сколько пошребно имъ лошадей и цыновокъ, для прикрышія разныхъ вещей. Лаксманъ ошвѣшсшвовалъ, чшо первыхъ нужно будешъ 60, а послѣднихъ 150.

10го числа послалъ Лаксманъ Туголукова къ Японскимъ чиновникамъ, испросишь у нихъ дозволеніе прогуляшься по городу: чиновники ошвѣчали переводчику, чшо не могушъ никакъ на сіе согласишься; ибо эшо прошивно ихъ законамъ; но, извиняясь въ ошказѣ, просили не огорчишься онымъ, присовокупя, чшо одни шолько большіе чиновники, каковыхъ много въ Машмаѣ, могушъ въ подобныхъ случаяхъ распоряжашься. Лаксманъ, не удовлешворясь симъ ошказомъ, послалъ опяшь къ нимъ на другой день переводчика шребовашь, чшобъ ошвели служишелямъ на берегу мѣсшо, для мышья бѣлья. Вмѣсшо ошвѣша, пріѣхали на судно Еддовскіе чиновники, и объявили, чшо они получили ошвѣшъ на объясненіе Лаксмана о приходѣ его въ сію гавань. По распоряженію Начальсшва, продолжали они, должно ошправишь немедленно судно ваше

въ Эдомо. Лаксманъ ополчился противъ сего, доказывая, что безъ себя и Ловцова не можетъ онъ никому довѣрить корабля, казнѣ принадлежащаго. По немаломъ междоусобномъ пренiи, рѣшили наконецъ, что транспортъ можетъ остаться въ Хакодадѣ, до возвращенiя Россiйскаго Посольства изъ Матмая. Во время спора произнесъ Еддовскiй чиновникъ сiи весьма значительныя слова: *не думайте, что вы здѣсь такъ вольны, какъ на Курильской землѣ, въ пристани Немуро.* Изреченiе сiе открываетъ намъ, что строгiе и непоколебимые законы Японiи могутъ однако же измѣняться въ отдаленныхъ отъ столицы мѣстахъ. Слѣдовательно, ежели Россiя захочетъ настоять въ требованiяхъ своихъ, имѣть торговлю съ Японiею, то они не въ правѣ уже отказываться, что коренные законы страны ихъ не могутъ быть нарушены, а должны сказать прямо: *не хотимъ.*

13го числа поутру отправилось начальство наше съ слѣдующею процессiею. Впереди ѣхали два Матмайскiе чиновника, за коими несли по копью, и слѣдовало нѣсколько человѣкъ пѣшкомъ. Потомъ несли Лаксмана, Ловцова, волонтера Коха въ норимонахъ или портшезахъ, а за ними слѣдовали верхами переводчикъ Туголуковъ, Геодезисты, Полномошной, Трапезниковъ и 5

человѣкъ служителей. Фронтъ замыкали опять Японцы съ обозомъ, коихъ было всего и съ чиновниками 450 человѣкъ.

Не распложаясь въ описаніи путешествія ихъ, которое было весьма единообразно, скажу въ краткихъ словахъ, что въ каждомъ селеніи, гдѣ назначался обѣдъ или ночлегъ, принимаемы они были съ знаками уваженія. Надъ каждымъ домомъ, гдѣ они помѣщались, находилась надпись: *Россійскій дворъ*. 16го числа послѣ полудни въѣхали они прежнею процессіею въ городъ Матмай, гдѣ по всѣмъ улицамъ, чрезъ кои они ѣхали, были у домовъ открыты окна и наполнены множествомъ зрителей. По приближеніи къ назначенному имъ жилищу, увидѣли они фронтъ изъ 60ти человѣкъ солдатъ съ ружьями на плечѣ, держащихъ правою рукою разженный фитиль, а въ лѣвой лукъ и колчанъ. У дверей встрѣтили ихъ Матмайскіе чиновники, а въ покояхъ Еддовскіе, кои развели всѣхъ по назначеннымъ имъ комнатамъ.

Чрезъ часъ прибыли къ Лаксману два чиновника отъ Губернатора съ поздравленіемъ, и объявили, что имъ велѣно по волѣ Императора находиться при немъ безотлучно, прося извѣщать о всѣхъ надобностяхъ. Вскорѣ послѣ сего прибыли опять къ Лаксману два Еддовскіе чиновника, и требовали, чтобъ онъ предсталъ на

аудіенцію босикомъ, и стоялъ бы на колѣняхъ. Лаксманъ на предложенія сіи никакъ не соглашался, и довелъ Японцевъ, по продолжительномъ спорѣ, до того, что они прислали ему сказать чрезъ нѣсколько часовъ, что соглашаются на то, что ему угодно. Хотя настойчивости Лаксмана и нельзя приписать твердости его духа, однако же замѣчательно, какъ снисходительны были въ то время Японцы къ Россіянамъ. Всѣ бывшіе послѣ Лаксмана въ странѣ сей, не могутъ похвалиться равнымъ торжествомъ.

17го числа по полудни въ 3мъ часу, отправилась наша Посольская свита въ домъ, для переговоровъ назначенный. По входѣ въ оный, отвели ихъ въ особенную комнату, гдѣ потчивали чаемъ. Въ сіе время находилося при нихъ 14 Японскихъ чиновниковъ въ самыхъ нарядныхъ одеждахъ и лакированныхъ каскахъ. Сверхъ платья, надѣты были на нихъ шелковыя мантіи, и голевыя * ихъ шаровары были такъ длинны, что походили на дамскіе шлейфы. Послѣ угощенія чаемъ, показали Лаксману залу, для переговоровъ назначенную, предваря его, что сегодня ни о чемъ трактовать не станутъ, а приглашенъ онъ единствен-

* Голь, тонкая шелковая материя.

но для отдачи бумагъ. Изъ окна показали нашимъ путешественникамъ лежавшіе въ саду 100 кулей сорочинскаго пшена, извѣстія, что Императоръ назначилъ оные имъ въ подарокъ.

По возвращеніи въ прежнюю комнату, нашелъ тамъ Лаксманъ еще 6 чиновниковъ, посланныхъ отъ Матмайскаго Губернатора. Одинъ изъ числа оныхъ, развернувъ листъ бумаги, сталъ читать нижеслѣдующее: „Препровожденное отъ васъ чрезъ людей „нашихъ Россійское съ переводомъ Японскимъ „письмо, какъ о достиженіи вашемъ до при„стани Немуро, такъ и о увѣдомленіи, что „имѣете намѣреніе ѣхать вдаль до сто„личнаго города Еддо, нами получено; но по „незнанію языка и письма чрезъ переводъ „надлежащій смыслъ онаго совершенно ис„толковать и по оному исполненіе до даль„нѣйшаго разсмотрѣнія отложить не мо„жемъ; почему, въ сходственность узаконе„ній нашихъ, и возвращаемъ оное обратно.“— Послѣ сего, вруча Лаксману прочтенный листъ и посланныя отъ него письма, ушли. Спустя нѣсколько времени, прибыли они обратно, и приказавъ раздвинуть стѣну, къ саду обращенную, показали Лаксману упомянутые сто кулей, а изъ другой комнаты вынесенный ящикъ поставили передъ нимъ, и когда онъ посмотрѣлъ на оный, то

унесли его опять въ ту комнату, гдѣ угощали чаемъ. Вскорѣ послѣ сего принесли другой листъ, и вруча оный Лаксману, потребовали въ полученіи онаго росписку слѣдующаго содержанія:

„Японскимъ Императоромъ предписанное мнѣ, прочтенное и послѣ истолкованное, по возвращеніи въ отечество, для представленія главному начальству ввѣренное узаконеніе, принялъ

Адамъ Лаксманъ."

Упомянутая бумага не находится въ журналѣ Лаксмана, а помѣщена въ запискахъ Г. Капитанъ-Командора В. М. Головнина, въ слѣдующихъ словахъ:

1. Хотя по Японскимъ законамъ и надлежитъ всѣхъ иностранцевъ, приходящихъ къ Японскимъ берегамъ, кромѣ порта Нангасаки, брать въ плѣнъ и держать вѣчно въ неволѣ; но какъ Рускимъ сей законъ былъ неизвѣстенъ, а притомъ они привезли спасшихся на ихъ берегахъ Японскихъ подданныхъ; то сей законъ надъ ними теперь не исполненъ, и позволяется имъ возвратиться въ свое отечество безъ всякаго вреда, съ тѣмъ, чтобъ впредь къ Японскимъ берегамъ, кромѣ Нангасаки, не приходили, и даже, если опять Японцы случатся быть въ Россіи, то и ихъ не привозили; въ противномъ случаѣ упомянутый законъ будетъ имѣть свое дѣйствіе."

„2. Японское Правительство благода-

ришъ за возвращеніе его подданныхъ въ отечество; но объявляетъ, что Рускіе могутъ ихъ оставить или взять съ собою, какъ имъ угодно; ибо Японцы, по своимъ законамъ, не могутъ ихъ взять силою, предполагая, что люди сіи принадлежатъ тому Государству, къ которому они занесены судьбою, и гдѣ спасена жизнь ихъ при кораблекрушеніи."

„3. Въ переговоры о торговлѣ Японцы вступать нигдѣ не могутъ, кромѣ одного назначеннаго для сего порта Нангасаки; и потому теперь даютъ только Лаксману писменный видъ, съ которымъ одинъ Россійскій корабль можетъ прійти въ помянутый портъ, гдѣ будутъ находиться Японскіе чиновники, долженствующіе съ Рускими договориться о семъ предметѣ."

По дачѣ росписки, обратился Лаксманъ къ Японскимъ чиновникамъ съ рѣчью, въ коей свидѣтельствовалъ имъ, во первыхъ, почтеніе отъ Сибирскаго Генералъ-Губернатора, а потомъ объяснилъ, что ему велѣно препровождаемыхъ Японскихъ подданныхъ представить прямо Великаго Нифонскаго Государства Его Тензинъ-Кубосскому Величеству, къ главнымъ правителямъ великаго города Еддо. Чиновники, выслушавъ его, отвѣчали, что не замедлятъ разсмотрѣть сіе обстоятельство. Проводя послѣ сего нѣ-

сколько времени въ разныхъ разговорахъ, раскланялись, и путешественники наши возвратились въ свое жилище. Едва прибылъ Лаксманъ домой, то принесли ему въ подарокъ три сабли и ящикъ съ разными вещами.

18го числа приходили къ Лаксману два чиновника отъ Матмайскаго Губернатора, и объясняли Туголукову настоящій смыслъ выше помѣщеннаго отзыва. На другой день поутру посѣтили путешественниковъ нашихъ еще два важные Японца, и разспрашивали, въ какое время можно совершить путь до Охотска, и какой запасъ провизіи имѣетъ транспортъ Екатерина. Лаксманъ отвѣчалъ, что послѣднихъ имѣетъ онъ только на двухмѣсячное плаваніе; достигнуть же до Охотска можно и въ восемь недѣль, но только при благопріятныхъ вѣтрахъ; въ противномъ же случаѣ долженъ онъ будетъ зимовать на какомъ нибудь пустомъ острове. Выслушавъ сіе, потребовали Японцы свѣдѣнія, сколько провизіи потребно на одного человѣка въ мѣсяцъ.

Лаксманъ упрашивалъ Японскихъ чиновниковъ настоятельно, дабы они приняли письмо Сибирскаго Генералъ-Губернатора. Прѣнія продолжались съ обѣихъ сторонъ довольно долго, и въ теченіе оныхъ ходили Японцы двоекратно требовать разрѣшенія отъ

Губернашора. Сначала шребовали они, чшобъ Лаксманъ распечашалъ самъ письмо, но усмошря его несогласіе, ошвѣчали, чшо можешъ бышь примушъ оное, но ежели раздумаюшъ, шо согласяшся выслушашь содержаніе онаго.

20го числа поушру послалъ Лаксманъ, по предваришельному объясненію, подарки къ главнымъ Японскимъ чиновникамъ, кошорые и были приняшы ошъ имени Сибирскаго Генералъ-Губернашора. По полудни въ шрешьемъ часу, объявили Посольсшву, чшо приглашаюшъ оное для окончашельныхъ переговоровъ. По прибышіи Лаксмана въ прежде упомянушую залу, всшали Японскіе чиновники, и просили его засвидѣшельсшвовашь благодарносшь ихъ Г. Пилю, за присланные подарки.

Лаксманъ ошкрылъ аудіенцію рѣчью, въ кошорой просилъ приняшь письмо Г. Пиля, со спасшимися ошъ кораблекрушенія Японцами, и удосшоишь его ошвѣшомъ, шѣмъ болѣе нужнымъ, чшо безъ онаго нельзя будешъ Сибирскому Генералъ-Губернашору сдѣлашь обсшояшельнаго донесенія Великой Россійской Государынѣ. Чиновникъ, взявъ письмо изъ рукъ Лаксмана, поползъ съ онымъ къ Главнымъ Начальникамъ, кошорые, принявъ оное, разсмашривали нѣсколько минушъ, и пошомъ возврашили

для отдачи Лаксману съ слѣдующимъ отвѣтомъ: „письма нельзя нигдѣ принять, кромѣ въ Нангасаки; содержаніе онаго выслушать согласны, людей возмутъ и дадутъ росписку, за подписью и печатью.“ По прочтеніи письма переводчикомъ Туголуковымъ, отвѣчали главные начальники, что здѣсь не могутъ они дать никакого заключенія; ибо въ Нангасаки находятся нарочно для сего опредѣленные чиновники. Имѣя же здѣсь листъ со знакомъ Императора, сдѣлаютъ на ономъ надпись, для свободнаго туда входа Россійскому кораблю, замѣчая, что безъ таковаго вида никому итти туда не позволяется. Симъ окончились переговоры, и Лаксманъ возвратился домой.

На другой день объявилъ Лаксманъ, что онъ намѣренъ сходить къ Матмайскому Губернатору, какъ для засвидѣтельствованія ему своего почтенія, такъ равно и для врученія подарковъ отъ Сибирскаго Генералъ-Губернатора и принесенія благодарности за всѣ ласки и снисхожденія, Россіянамъ оказанныя. Японскіе чиновники, не соглашаясь, отвѣчали: „за чѣмъ ходить вамъ къ Матмайскому Губернатору, вы другъ въ другѣ никакой надобности не имѣете, благодарить его вамъ не за что; ибо онъ исполнялъ волю Его Тензинъ-Кубосскаго Величества; видѣть же вамъ его будетъ не ин-

тересно, ибо онъ мальчикъ. Ежели же вы имѣете для него подарки, то пошлите оные для передачи къ его товарищу.

Лаксманъ повѣствуетъ, что Матмайскій Губернаторъ принялъ всѣ посланные ему подарки. Еддовскіе же и Матмайскіе чиновники отъ оныхъ отказались. При семъ случаѣ замѣчаетъ онъ, что всѣ чиновники, изъ столицы пріѣхавшіе, принимаемы были съ особеннымъ уваженіемъ, какъ въ Немуро, такъ и въ Хакодадѣ, и брали предъ гораздо высшими ихъ явное преимущество. Тѣ изъ читателей моихъ, кои живали въ уѣздныхъ или губернскихъ городахъ, повѣря Лаксману, замѣтятъ, что это не въ одной только Японіи существуетъ.

22го числа приходилъ къ путешественникамъ нашимъ отъ Матмайскаго Губернатора товарищъ его, благодарить за посланные подарки. Лаксманъ отправилъ отъ своего имени двумъ старшимъ Еддовскимъ чиновникамъ по зеркалу, парѣ пистолетовъ и разной стеклянной посуды, что все и было принято. Имъ же поручилъ онъ доставить въ Еддо письма, термометры и разныя рѣдкія вещи, посланныя почтеннымъ родителемъ его къ Ученымъ Японской столицы.

На другой день пригласили Лаксмана для окончательныхъ переговоровъ. Путешественники наши отправились въ прежде

упомянутый домъ, и были приняты съ такою же церемонїею, какъ при первомъ свиданїи. По приличномъ угощенїи, пригласили только одного Лаксмана въ залу, и Японскїй чиновникъ произнесъ ему слѣдующую рѣчь: „Намъ теперь извѣстно изъ письма, прочтеннаго въ прошлое свиданїе, что „Великая ваша Государыня Россїйская „прислала васъ для заключенїя взаимнаго съ „нами по сосѣдству содружества, которое „ничѣмъ столько подкрѣплено быть не „можетъ, какъ обоюдною между подданными Ея Величества и Его Тензинъ-Кубосскаго Величества торговою связїю. Но „какъ здѣсь такого открытаго торга, въ „силу узаконенїй нашихъ, совершенно установить не можно; а имѣемъ ввѣренный „намъ отъ Кубосамы съ его закономъ бѣлый листъ: то повелѣнїемъ его Величества „подписали позволенный входъ въ Нангасаки, „и вручая вамъ оный листъ, объявляемъ, „что если будетъ съ вашей стороны для „заключенїя союза, по письму отъ васъ читанному, какое вновь предпрїятїе; то можете съ онымъ туда отправиться.“ По окончанїи рѣчи разошлись по разнымъ компатамъ.

Чрезъ нѣсколько времени пригласили всѣхъ путешественниковъ нашихъ въ залу, для дружескаго привѣтствїя и прощанїя.

„До сего,“ сказалъ одинъ изъ старшихъ чиновниковъ, „было съ обѣихъ сторонъ Государственное дѣло, въ которое нельзя вмѣшивать никакихъ постороннихъ разговоровъ, а теперь благодаримъ васъ за доставленіе нашихъ людей и разные данные намъ подарки.“ Лаксманъ благодарилъ ихъ также съ своей стороны за всѣ одолженія, и, поговоря нѣсколько времени, распрощался и отправился съ прежнею церемоніею домой.

На другой день прибылъ къ Лаксману Японскій чиновникъ, и извѣстилъ его, что по приказанію Японскаго Императора отправлено на Россійское судно для экипажа ржи 61, пшеницы 27, гречи 3, всего 91 куль. Ручной жерновъ, сито изъ мѣдной проволоки, и кобыльяго соленаго мяса 6 бочекъ. Любопытно знать, употребляла ли команда послѣднее въ пищу?

26го числа оставили путешественники наши Матмай, и слѣдуя по прежней дорогѣ прибыли 30го числа въ Хакодаде. 3го Августа донесъ Туголуковъ Лаксману, что Еддовскіе чиновники требовали у него тайнымъ образомъ копіи съ письма Г. Пиля, на что и дано было ему позволеніе.

11го числа поутру, бывъ совершенно готовъ къ выходу въ море, выпалилъ Г. Ловцовъ изъ пушки, и вступилъ подъ паруса, съ благопріятнымъ вѣтромъ. Едва только

начали мореплаватели наши выбираться изъ Хакодатскаго залива, то усмотрѣли гонящуюся за ними Японскую лодку, для которой и легли въ дрейфъ. Чиновникъ, въ оной находившійся, приближася къ судну, сказалъ, что онъ посланъ отъ Губернатора спросить, что значилъ учиненный выстрѣлъ? Лаксманъ отвѣчалъ, что чрезъ оный хотѣли они единственно дать знать, что выходятъ въ море. Поступокъ сей, возразилъ Японскій чиновникъ, весьма не понравился начальству нашему, и поплылъ обратно въ Хакодаде.

15го числа видѣли около 21го Курильскаго острова два Японскія судна, и Лаксманъ заключаетъ, что едва ли они не посланы были для наблюденія за нимъ. 19го, пришедъ на оконечность 19го острова, взошли Фризовымъ проливомъ въ Охотское море. Сентября 8го числа положили якорь на Охотскомъ рейдѣ.